

ВОСПОМИНАНИЯ О СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ВОЛЬДЕМАРОМ ПЕТРОВИЧЕМ КОРОНКЕВИЧЕМ

Виктор Павлович МАЙОРОВ

Начальник Отдела управления качеством ЦКБ «Точприбор»

Инициатива, которая воплощается в жизнь и приносит свои плоды на благо общества, всегда становится примером не только для современников, но и находит последователей в последующих поколениях.

По инициативе Вольдемара Петровича Коронкевича в 1968 году началось плодотворное долговременное сотрудничество наших двух организаций: Института автоматики и электрометрии СО АН СССР (ИАиЭ СО АН СССР) и Новосибирского приборостроительного завода им. Ленина (НПЗ им. Ленина) в Особом конструкторском бюро (ОКБ), которое было преобразовано в 1972 году в Центральное конструкторское бюро точного приборостроения (ЦКБ «Точприбор»).

Сотрудничество началось на основе исследований, выполнявшихся в Институте метрологии Госстандарта СССР и ИАиЭ СО АН СССР. Были совместно разработаны и изготовлены опытные образцы измерительно-информационных систем — первых промышленных образцов лазерных измерителей перемещений ФОРУ и ФОРУ-1 и высокоскоростных фоторегистраторов изображений КАДР-4-ЗИС-1.

В опытных образцах ФОРУ, которые были выпущены в 1970 г., в качестве источника когерентного излучения использовались лазеры с системой стабилизации, разработанной в ОКБ на НПЗ им. Ленина, и активными элементами, созданными в ИАиЭ СО АН СССР под руководством В. П. Коронкевича. Параллельно в 1971–1972 гг. делалась попытка освоения технологий изготовления активных элементов He–Ne-лазеров на заводе «Экран» (г. Новосибирск). В 1973–1974 гг., в связи с появлением первых промышленных стабилизированных лазеров ЛГ-32 (НИИГРП, г. Рязань), в ЦКБ «Точприбор» была проведена доработка и выпущена партия приборов ФОРУ-1, которые успешно прошли Государственные испытания. В 1973–1974 гг. выпущено на НПЗ и поставлено различным отраслям народного хозяйства более 40 приборов ФОРУ-1. Создание лазерных интерферометров в ЦКБ «Точприбор» и их производство на НПЗ им. Ленина получило дальнейшее развитие и закрепилось за этими предприятиями как одно из основных направлений специализации. В последующие годы была создана гамма приборов: ИПЛ-10М.52 для Минстанкопрома; ИПЛ-30К и ИПЛ-МП для широкого применения в качестве высокоточных измерительных систем линейных и угловых измерительных комплексов; ИДЛ-10 — лазерный интерферометр-деформограф для геофизических измерений. Эта уникальная гамма приборов характеризуется: дискретностью отсчета — 0,1/0,01/0,001 мкм; диапазоном измерений — 1/10/30/60 м; погрешностью измерений — 1,0 мкм/м.

В дальнейшем объем сотрудничества расширился, и были поставлены совместные НИОКР в соответствии с Координационными планами СО АН СССР и Минобороны «Образ — СО АН» и «Квант — СО АН». Среди этих НИОКР особо можно выделить работы по двухкоординатным прецизионным системам позиционирования на основе созданного в ИАиЭ агрегата «Зенит» (многим эти разработки знакомы как «Фантом» и «Фантазия»), работы по архивной голографической памяти и по системам «Магистраль» и «КАМАК», работы «Микровинт» и «Аралия». При творческом организаторском участии Вольдемара Петровича в этот период создавался Межотраслевой конструкторский отдел ЦКБ при Институте авто-

матики и электрометрии, переросший со временем в Сибирский научно-исследовательский институт оптических систем (СНИИОС).

Этот опыт стал использоваться в стратегической деятельности директора института Юрия Ефремовича Нестерихина, который уже со своей стороны вышел с инициативой в Новосибирский областной комитет КПСС. Такая форма взаимодействия науки и производства была поддержана, и с одобрения высших партийных и государственных инстанций СССР усилиями наших организаций был поставлен уникальный для Советского Союза научно-производственный деловой эксперимент по сокращению сроков выполнения новых разработок (от научной идеи до промышленной серии). При этом Вольдемар Петрович неизменно вносил свой весомый вклад в решение сложного комплекса проблем, требовавших решения.

Вольдемар Петрович Коронкевич был человеком огромного житейского опыта, с высокой ответственностью в любом деле, строгий и доброжелательный, всегда пользовался заслуженным авторитетом и уважением. Нам, работавшим много лет вместе с ним, всегда приятно вспомнить годы совместной работы.

СИБИРЯКИ ОСВАИВАЮТ ЕВРОПУ

Валерий Константинович МАЛИНОВСКИЙ

*Заслуженный деятель науки РФ,
доктор физико-математических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИАиЭ*

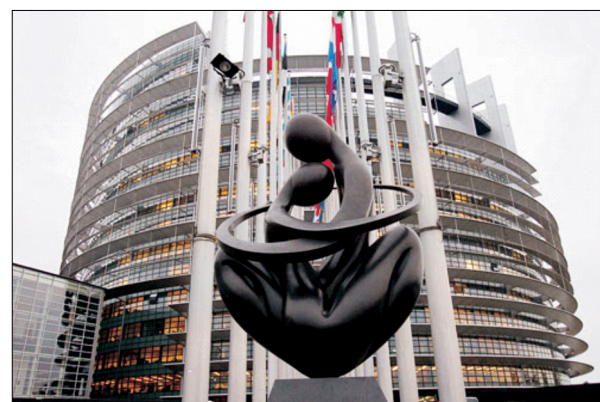
Вольдемар Петрович Коронкевич. Я познакомился с ним в 1972 г., когда по приглашению директора Института д. ф.-м. н. Ю. Е. Нестерихина перешел на работу в ИАиЭ из ИЯФ. За 10 лет в ИЯФ я получил некоторый опыт работы в области оптики: в экспериментальную практику мы ввели тогда мощные импульсные лазеры на рубине, электронно-оптические преобразователи для исследования слабых (вплоть до одиночных фотонов) световых потоков, оптические интерферометры с большими (240 мм) полями интерференции для регистрации модельной «космической» плазмы. Общие экспериментальные методики сделали наше знакомство и сближение быстрым и взаимоприятным. В динамике будней мы часто обменивались как новыми идеями, так и простыми человеческими радостями и заботами.

В те годы Ю. Е. Нестерихину удалось консолидировать усилия «оптической» части Института на амбициозной проблеме: создание оптического компьютера. Железной рукой Ю. Е. Нестерихин пытался конкретизировать работы в этом направлении, используя как уговоры, так и административный ресурс. В какой-то мере это ему удалось. Уровень работ поднялся до высокого, в чем мы смогли убедиться, приехав в 1979 г. на 1-й конгресс по фотонике, который проходил в Страсбурге, в здании Европейского парламента.

Сибирь представляли В. П. Коронкевич, Ю. В. Чугуй и я. О научном содержании наших докладов я скажу коротко: оно отвечало самым передовым для того времени достижениям как по технике исполнения, так и по физическому содержанию. Это подтверждается тем, что спустя короткое время фактически по инициативе германской стороны были организованы двухсторонние советско-германские семинары по оптической обработке информации.

Тогда В. П. Коронкевич повторно (после США в 1975 г.), а Ю. В. Чугуй и я впервые попали в настоящий капиталистический мир. До этого у каждого из нас были турпоездки в так называемые соцстраны. Будучи подготовленными нашим телевидением, мы спокойно перенесли знакомство с капиталистическим раем. Более того, имея возможность свободно окунуться в зарубежную действительность, мы обнаружили в ней много такого, о чем пропагандисты Запада старались умолчать. Но не будем сейчас об этом.

Заседания конгресса прошли увлекательно и интересно. По-моему, больше всего удивило наших зарубежных друзей наше поведение: и во время заседаний, и в свободное время мы были предельно раскованными, но корректными. М. М. Мирошников (в то время директор ГОИ им. С. И. Вавилова) отлично пел песни, В. П. Коронкевич специализировался по анекдотам, остальные по мере сил принимали участие в неформальном общении. Пять дней пролетели быстро, у нас появилось много новых знакомых, некоторые из которых впоследствии стали друзьями.

Нас ожидало еще одно приключение. Поездка была спланирована так, чтобы на обратном пути один день (чуть менее суток) провести в Париже.

Здание Европейского парламента в Страсбурге.

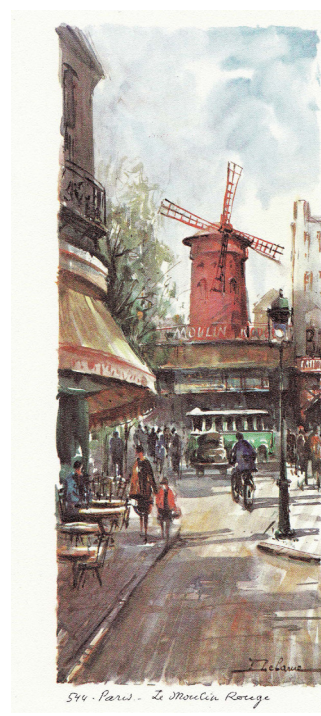
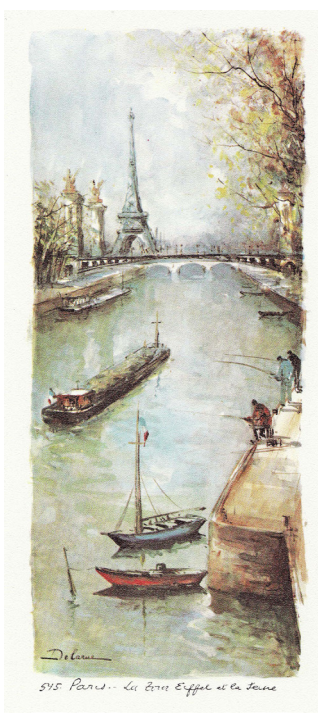
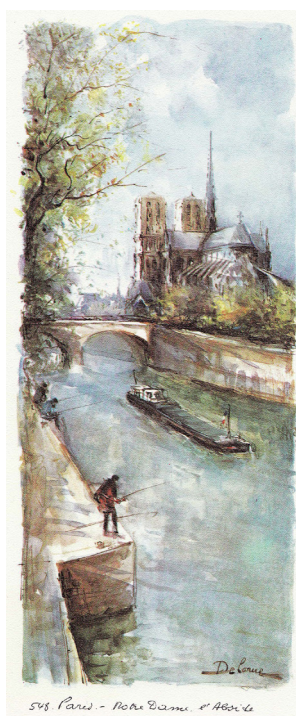
В. К. Малиновский с В.П.К. в Париже около Собора Парижской богородицы, 1979 г.

Что больше всего поражает приехавшего в Париж? Почему толпы комфортабельных автобусов из всех стран Европы каждую субботу и воскресенье заполняют его улицы? В чем секрет его неповторимого своеобразия и притягательности?

Думаю, в первую очередь в том, что французам удалось бережно сохранить свой город, его исторические ансамбли и перспективы почти в неприкосновенности. Парижане любят свой город — тенистые бульвары и узкие улочки, неспешные беседы в маленьких кафе на улицах, бродячих музыкантов и букинистов на набережных Сены, любят неповторимый запах Истории, творения своих талантливых, свободолюбивых и влюбленных в жизнь предков.

Даже французские женщины легкого поведения внесли свой вклад в неповторимый облик Парижа — на их деньги на Монмартре построен храм Сакре-Кер, на лестнице перед которым всегда полно людей, проходят народные гуляния, выступают мимы и т. д.

И все же большая часть градостроительных экспериментов проводится на окраинах. За городской чертой вырос новый район Дефанс, город XXI века, город небоскребов, где лишь стекло и камень, где зелень, цветы да и сами люди кажутся лишними и ненужными. Несмотря на остроту жилищной проблемы, люди не хотят селиться там — это не Париж, это что-то безликое и космополитичное, такое можно увидеть везде — в Нью-Йорке, Монреале, Бразилиа. Цены же на такое жилье поражают воображение сильнее, чем сами небоскребы. Время диктует свои законы — что-то надо менять, строить новое и по-новому, но сохра-

Акварели из Франции: храм Нотр-дам-де-Пари, Эйфелева башня и Мулен Руж.

нение исторических и культурных традиций привлекало и привлекает в Париж миллионы туристов, обогащает и возвышает нацию и с этим необходимо считаться.

Наша команда (В. П. Коронкевич, Ю. В. Чугуй и я) провели этот день на ногах — пешком обошли всю центральную часть Парижа, впитывая в себя все то, о чем читали в книгах, видели в кинофильмах и на картинах знаменитых художников. Правильно кто-то из великих говорил: «Париж стоит мессы». Вечером, стерев ноги по самое не могу, вернулись в гостиницу. Гостиница была одна из самых дешевых — мы с В. П. Коронкевичем ночевали на одной широкой кровати. Мы были полны впечатлений и сожалели лишь о том, что из-за безденежья не могли посидеть во время прогулки в одном-двух замечательных кафе Парижа.

Вернувшись в Новосибирск, мы все вновь с головой ушли в работу. Опыт общения и новые знакомые, появившиеся после конгресса по фотонике в Страсбурге, позволили продолжить международное сотрудничество.

На основе соглашения о научном сотрудничестве между Немецким научным обществом и Академией наук СССР академик Ю. Е. Нестерихин и проф. А. Ломан предложили в 1980 г. провести два семинара по современной оптике. Они отлично сознавали, что взаимодействие между учеными очень важно. Важен также правильный выбор партнеров — они должны сотрудничать друг другу по уровню научных достижений и разработок.

Когда в 1981 г. предложение было принято Академией Наук и Немецким научным обществом, начались приготовления, которые после 7 месяцев обмена письмами и телеграммами привели к поездке немецкой делегации, состоящей из 10 членов, в наш замечательный Академгородок. Огромную роль в этой бумажной волоките сыграл Вольдемар Петрович. Институт автоматики и электрометрии организовал первый семинар со 2-го по 6-е августа 1982 г. Немецкая делегация несколько раз посещала институт и была в полном восторге как от благожелательности и гостеприимства, так и от уровня обсуждавшихся работ.

После недели пребывания в Новосибирске немецкая делегация посетила Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе в Ленинграде и Физический институт им. Лебедева в Москве.

Ответный визит имел место в сентябре—октябре 1983 г. Делегация из восьми советских ученых прибыла в г. Фрайзинг, на семинар, организованный Институтом техники связи из Мюнхена. Десять немецких участников семинара вместе с некоторыми гостями из университетов и промышленности получили возможность участвовать в дополнительной дискуссии за круглым столом о будущем оптики, организованной Немецким научным обществом.

После второго семинара и визитов в Мюнхен (институты Техники связи, Медицинской оптики, Исследования природных ресурсов) советская делегация отправилась в города Эрланген (Физический институт), Геттинген (3-й Физический институт), Эссен (университет), Вецлар (фирма «Ernst Leitz Wetzlar»), Дармштадт (Институт прикладной физики) и Франкфурт (Физический институт).

Деятельное участие как в организации семинаров, так и в неформальном общении с немецкими участниками принимал В. П. Коронкевич. Его роль была исключительно положительной. В эти годы ломались устоявшиеся на западе отрицательные представления о советских людях. Во многом этому способствовал В. П. Коронкевич. Это к нему можно отнести слова одного из руководителей немецкой делегации Хеслера: «встречи с русскими всегда так возбуждают...».

Я рассказал лишь о паре эпизодов из многогранной деятельности Вольдемара Петровича. О его активной жизненной позиции, о его приверженности научной работе, о его учениках будет рассказано в других публикациях.

В заключение хочу отметить еще одну замечательную особенность личности Вольдемара Петровича. О его способности остроумно рассказывать анекдоты я уже упоминал. Упомяну еще о том, что он очень ценил юмор. Одним из его любимых поэтов был Игорь Губерман. Он писал короткие четверостишия на разные темы. Очень емкие и в каком-то смысле философские. Например:

Лишь то, что Богу по плечу,
Весь век прошу я на бегу:
Чтобы я мог, чего хочу,
И чтоб хотел я, что могу.

Смысл этого высказывания полностью относится к жизни В. П. Коронкевича.

ОДИН НА ТЫСЯЧУ!

Алексей Евгеньевич МАТОЧКИН

Ведущий инженер ИАиЭ СОРАН

Тысячи путей ведут к заблуждению; к истине — только один.

Ж.-Ж. Руссо

Люди в тысячу раз больше хлопочут о наживании себе богатства, нежели об образовании своего ума и сердца; хотя для нашего счастья то, что есть в человеке, бесспорно, важнее того, что есть у человека.

А. Шопенгауэр

«Товарищи ученые, двигайте науку вперед, не жалея сил студентов!» — этим лозунгом Вольдемар Петрович поделился в первый же день, когда я в качестве студента — практиканта пришел в возглавляемую им лабораторию (1995 г.). Для продвижения науки, а потом, как оказалось, для осознания студентом способности света огибать препятствия, пришлось не один день кряду в подвале института через каждый метр стометровки считать количество дифракционных порядков, которые в виде колец формировались аксиконом — дифракционным оптическим элементом, разработанным в лаборатории. В дальнейшем на основе такого аксикона был создан прибор «лазерная струна». В.П. умел поставить любую рутинную работу так, что за нее хотелось браться с удовольствием и с энтузиазмом. Позже я узнал, что еще много студентов разными способами участвовали в этой важной задаче, что, впрочем, пошло всем на пользу, в том числе и науке.

После опыта первой практики, а на самом деле после общения с Вольдемаром Петровичем, захотелось продолжать изучение дифракционной оптики. В то время у Коронкевича была идея применения киноформов для целей восстановления зрения человека. Одна из проблем, которую отмечал заведующий операционным отделением МНТК «Микрохирургия глаза» Игорь Алексеевич Исаков, — контроль формы роговицы глаза пациента непосредственно во время операции. В.П. предложил применить дифракционный оптический элемент (ДОЭ). Цель была благородная и интересная, тема была предложена мне в качестве дипломной работы. При изучении определенного количества статей выяснилось, что до сих пор контроль осуществлялся после операции с помощью громоздких и дорогих импортных приборов, когда ничего исправить уже было нельзя. Для решения проблемы с помощью ДОЭ нужно было создать световой эталон правильной формы роговицы глаза человека. На роговицу ДОЭ должен был проецировать световые кольца с расчетными радиусами, и при искривлении роговицы кольца также искажаются, что видит хирург во время операции. Под руководством Вольдемара Петровича мною был рассчитан ДОЭ, а также создан действующий макет лазерного кератометра (прибора для контроля роговицы глаза). Уже тогда В.П. вынашивал идею создания дифракционного искусственного двухфокусного хрусталика глаза. Всем казалось, что это нереально, потому что, во-первых, структура дифракционной линзы должна превращать «белый свет» в радугу и, во-вторых, как человек сможет воспринимать в своем глазу, а точнее в мозгу, одновременно два четких изображения ближнего и дальнего объектов. Но задача, по словам В.П., была настолько «человеческая», что не могла остаться нерешенной.

После защиты дипломной работы и окончания оптического факультета НИИГАиКа я по предложению Вольдемара Петровича решил остаться в лаборатории. Тогда, в 1997 году,

в лаборатории по договору с Новосибирским приборостроительным заводом появился американский лазерный интерферометр фирмы «Zygo», нужно было его настроить и научиться на нем работать. На интерферометре решалась задача контроля поверхностей кварцевых подложек для ДОО и самих элементов после записи. С В.П. эта работа казалась интересной и ответственной. В это же время пришло понимание, насколько точны (до нанометров) интерференционные методы применительно к аттестации формы поверхности оптических деталей. До этого такие точности в лаборатории достигались при интерферометрическом контроле перемещений. В.П. объяснял студентам, что в отличие от «эталонного метра», сделанного из платиноиридиевого сплава еще в середине XIX в., «современным метрологическим инструментом», т. е. эталоном размера в интерферометрах, является постоянная величина длины волны монохроматического излучения лазера, которая со временем не изменяется.

Вскоре американский прибор был возвращен на завод, и Вольдемар Петрович предложил создать свой интерферометр для контроля оптических поверхностей. Эта актуальная задача в дальнейшем образовала новое направление в деятельности лаборатории. Также был создан «не чувствительный к вибрациям» цеховой интерферометр на основе ДОО для контроля зеркал телескопов, производимых Новосибирским приборостроительным заводом. Эта разработка не имела аналогов. Под руководством В.П. было изготовлено несколько вариантов прибора, в том числе и дифракционный интерферометр, работающий от источника «белого света» (лампы накаливания, светодиода). Каждая работа, по убеждению В.П., не только должна быть доведена до научной статьи и выступления на конференции, но прежде всего до действующего образца. И это было так, и является теперь доброй традицией в лаборатории.

Мне посчастливилось работать с Вольдемаром Петровичем в одной комнате института больше десяти лет, за что я благодарен судьбе. В.П. всегда помогал тем, кто нуждался, и советом, и материально. Часто детали для экспериментов заказывались или покупались на его личные деньги. К Коронкевичу обращались как сотрудники Института, так и представители других организаций с просьбой помочь в решении той или иной задачи. Вольдемар Петрович никогда не говорил, что ему некогда, что занят, он откладывал текущие дела, вникал в проблему, уделял этому много времени, но никогда не отказывал людям.

Это был выдающийся ученый с энциклопедическими знаниями, учитель, человек с тонким чувством юмора. Вольдемар Петрович заводил беседы обо всем: о спортивных достижениях страны, культуре, искусстве, технике, науке, любил рассказывать анекдоты и поучительные истории из своей жизни.

Байки от Вольдемара Петровича — так, как я их запомнил:

На одном из оптических заводов производились стеклянные пузырьки «ватерпасы», которые находятся на строительных уровнях для проверки горизонтали. Каждую смену выход брака оставался стабильно одинаковым. Как только рабочие ни боролись за качество производства, контролер продолжал браковать и разбивать для утилизации все то же число пузырьков. Для справки нужно добавить, что в качестве жидкости в одном пузырьке находилось около грамма спирта. Позже выяснилось, что выход брака данного изделия соответствовал норме принятия «на грудь» того спирта, что содержался в разбитых пузырьках. Предварительно добытая жидкость фильтровалась через хлопковую рабочую шапочку.

В «добрые советские времена» молодые рабочие завода решили подарить своему коллеге на новоселье холодильник, в коем он сильно нуждался. Не надо забывать, что это было время дефицита и добыть что-либо было непросто. А на заводе в отделе был почти новый аппарат. Возник вопрос, как его вынести, вещь-то немаленькая. Однажды охранница проходной видит, что к открытым воротам со стороны территории предприятия двое рабочих везут на тележке здоровенный холодильник «Зил-Москва». Она, естественно, их останавливает и спрашивает: «Это что такое значит? Куда и зачем вы собрались с этим?». В тот же момент дверца холодильника шумно распаивается и оттуда выпрыгивает лихой парень с гармошкой: «Мамаша, пропусти, мы на КВН едем выступать!». КВН тогда уважали!

МОЙ ВОЛЬДЕМАР ПЕТРОВИЧ

Евгений Семенович НЕЖЕВЕНКО

*Доктор технических наук,
ведущий научный сотрудник ИАиЭ СО РАН*

Я не буду писать о Коронкевиче как ученом — об этом говорят сотни его статей, прекрасная лаборатория, созданная им и продолжающая его работы, и множество изделий — от глазного хрусталика до телескопа, — работающих благодаря его замечательным идеям. Я бы хотел рассказать о Вольдемаре Петровиче — человеке, веселом, остроумном, увлекающемся, любознательном и очень добром. Ему уже за семьдесят, а он приходит утром раз-два в неделю с горящими глазами: «Женя, а ты читал...» и давай комментировать очередную острую статью (обычно это были оппозиционные газеты: раньше — «Литературка», «Московские новости», в последнее время — «Новая газета»). Или: «А слушал ток-шоу?» (раньше Киселева, потом — Соловьева). А как он рассказывал анекдоты! Известно, что иностранцы наши анекдоты не очень-то понимают (послушайте Жванецкого или Задорнова), но когда анекдот рассказывал Вольдемар Петрович, хохотали даже японцы (и это с перевода!). В общем, это был театр — он вообще был очень артистичный человек — недаром ведь в молодости у него была альтернатива: ученый или артист. Слава Богу, что он выбрал первое!

И к тому же был он очень неформальный и понимающий человек. Это я испытал на себе. Было это в конце семидесятых. По совершенно идиотскому поводу пришла в институт на меня «телега» из милиции. А куда она приходит? Конечно, в парторганизацию Института (хотя членом партии я никогда не был). Но такие уж были времена. А Вольдемар Петрович был секретарем парторганизации института. Полагалось вызвать меня на партсобрание, пропесочить хорошенько и дать ответ родной милиции. И вот вызывает меня Вольдемар Петрович, который, конечно же, все понял, показывает эту «телегу» и говорит: «Так, Женя, мы провели партсобрание, давай теперь писать протокол, решение и т. д.». Сели мы вдвоем, написали все, что нужно, отправили и больше меня по этому поводу не беспокоили. А в институте об этом, кроме нас, никто не узнал.

И еще маленький штришок. Это было, кажется, в предпоследний год его жизни. Пришел как-то очень печальный: знаешь, умер в Питере поэт такой-то, а ведь я с ним в молодости водку пил и какие он стихи мне читал! А сейчас даже не могу найти в магазине его стихи. Я быстренько сбегал в Интернет, нашел этого поэта, распечатал, переплел и принес Вольдемару Петровичу. Вы бы посмотрели, как он радовался! Ну, как ребенок! Несколько дней после этого он прибегал и: «Нет, Женя, ты только послушай», и читал очередной стих. Вот таким он мне и запомнился: читающим стихи с горящими глазами.

Вообще он не любил отмечать свои юбилеи. Но поздравления с юмором, сидя у себя в кабинете за столом, уставленным рюмками коньяка, принимал. Вот поздравление на его семидесятипятилетие, которое ему, по-моему, понравилось, тем более что оно написано мной по мотивам нравившейся ему поэмы Л. Филатова «Про Федота-стрельца...»

Про Вольдемара-молдца, киноформов всех отца

Коронкевич Вольдемар,
ИАЭ ты — божий дар.
Хоть завлаб ты, хоть ведущий,
Завсегда ты самый лучший.
Ну, а коль ты стал и главным,
Так уж это вовсе славно.

Несмотря на все года,
Ты мужчина хоть куда!
Гордый профиль, твердый шаг,
Как ни глянь — ну просто шах.
И таланты, все, что есть, —
Нам и вовсе их не счесть.
А умище-то, умище:
Написал статей ты тыщу,
Докторскую защитил,
Это ж сколько надо сил!
В этот день тебе желаю —
Чтобы их восстановить,
Хоть не любишь юбилеи,
Пир на славу закатить.
Пусть там будет всяк салат,
И голландская грудинка,
И чухонский сервелат.
Не забудь швейцарский сыр,
Тот, который весь из дыр!
Ну, а коль попросит кто
Коньячку так граммов сто,
Так и быть!.. Сегодня можно!..
Слава богу, есть за что!

Что еще тебе желать-то?
Поначалу в этот год
Отдохнуть от диссертаций
и подобных ей хлопот.
Ну, а дальше — жить, как жил ты:
дело делать, не хандрить,
Много внуков, много денег,
главное ж — здоровым быть!

Я ПОМНЮ НАШИ ВСТРЕЧИ

Виктор Петрович ПЕТРОВ

*Доктор технических наук, профессор,
действительный член Международной академии информатизации
и Российской метрологической академии, научный руководитель
испытательной сертификационной лаборатории СибГУТИ*

Многовековая история человечества соткана из миллиардов мгновений — человеческих жизней. Эти мгновения встречаются во времени и пространстве, создавая круг общения в заданной судьбой эпохе.

После окончания радиофизического факультета Томского университета в 1957 году я был направлен по распределению на работу в Новосибирский государственный институт мер и измерительных приборов (НГИМИП, ныне СНИИМ). Там я и встретил Вольдемара Петровича Коронкевича. Он к этому времени уже поработал на заводе им. В.И. Ленина, защитил кандидатскую диссертацию и был начальником научной лаборатории оптико-механических измерений. С первых же встреч бросалось в глаза удивительное обаяние этого человека. Он никогда не выглядел ни мрачным, ни раздраженным. При этом он был талантливым научным работником и руководителем, обладал огромным авторитетом среди коллег. Когда через три года я стал начальником лаборатории радиоизмерений и сравнялся с ним по должности, наше общение стало более частым и продолжительным. Я открыл в нем новые качества, которые не часто встретишь в нашей среде. Он умел вести дискуссию, находить образные и убедительные аргументы, никогда не обижая и не унижая оппонента. При обсуждении сложных вопросов на заседаниях Ученого совета, на совещаниях у директора института выступления В.П., как правило, подводили итоги и являлись основой для принимаемых решений. У него был аналитический ум, умевший схватывать главное и лежавший в основе его таланта как научного работника.

Основным направлением работы Вольдемара Петровича и его коллектива в НГИМИП было совершенствование Государственного эталона длины — метра и создание точной аппаратуры для измерения длины. В тот период эталоном был отрезок из платиноиридиевого сплава длиной в 1 метр. В НГИМИП хранился один из двух эталонных образцов, которые были переданы России по решению Международного конгресса по метрологии, состоявшегося в Париже в 1861 году. Второй образец хранится во ВНИИ метрологии в Санкт-Петербурге. Основным направлением работы было использование интерферометрических методов для точных измерений и поиск газовых лазеров со стабильными излучениями для эталонного воспроизведения единицы длины. Эти работы выдвинули лабораторию в число ведущих лабораторий в стране и создали заслуженный авторитет ее руководителю. Как в Новосибирске, так и в Москве мне неоднократно приходилось наблюдать, с каким уважением относились к В.П. крупные специалисты-оптики и руководители Госстандарта.

Вольдемару Петровичу приходилось представлять свою область прикладной метрологии и в международных комиссиях. Я вспоминаю его рассказы о впечатлениях от поездки в Париж в составе небольшой советской делегации, участвовавшей в работе Комиссии по законодательной метрологии. Вопрос касался нового способа воспроизведения единицы длины с помощью излучения атома криптона. Однако основные впечатления он получил не от работы комиссии, где все было профессионально ожидаемым, а от самого Парижа. В то время редко кому из нашего окружения удавалось побывать в крупных европейских городах. И тем интереснее было услышать рассказы В.П. о его поездке. Это были впечатления любознательного человека, интересующегося историей и культурой. Ведь почти каждая улица, каждый район старого Парижа являются памятниками известным событиям или людям.

На площади Согласия между садом Тюильри и Елисейскими полями, одной из красивейших улиц мира, возведен обелиск на месте, где стояла гильотина, активно действовавшая во времена Французской революции. На проезжей части и тротуарах площади Бастилии плиткой выложены контуры этой мрачной тюрьмы, снесенной во время революции. Дальше — Латинский квартал с его знаменитой Сорбонной, Собор Парижской Богоматери на острове Сите в центре Парижа. Напротив, на берегу Сены — Дворец Правосудия, к которому примыкают остатки самой древней парижской тюрьмы — Консьержери. В этой тюрьме ждали своей казни на гильотине королева Мария-Антуанетта, знаменитый химик Лавуазье, якобинцы Дантон и Робеспьер и еще 1300 узников. Нельзя равнодушно пройти мимо знаменитой Парижской Оперы и театра Комеди Франсез, известного еще и как «Дом Мольера». Париж красив и сам по себе, но его привлекательность многократно увеличивается в глазах человека, который смотрит на него через призму истории и культуры. Именно таким человеком представлялся Вольдемар Петрович в своих рассказах.

Елисейские поля

Площадь Согласия

Несмотря на успешность своей работы в НГИМИП, В.П. чувствовал потолок и ограничения в возможностях творческой работы. Поэтому его переход в Институт автоматики и электрометрии СО АН, в атмосферу научного академического творчества, был закономерным. Я недостаточно хорошо осведомлен о его работе в этом институте, но знаю, что он был увлечен ею, ему нравилось работать в новых для него направлениях. Однажды он пригласил меня в институт и познакомил с некоторыми результатами своей работы. Для меня явилась неожиданностью его работа в области гравиметрии, результатом которой стало создание вместе с коллективом сотрудников точной установки для измерения ускорения силы тяжести. Показал он мне и диск с оптической записью информации объемом более одного Гбайта. Тогда, а это было в середине 1990-х годов, оптическая запись была в новинку.

Многие ученики В.П. защитили кандидатские и докторские диссертации. Он помогал всем, но сам не хотел тратить время на формальную и организационную суету. И только пройдя семидесятилетний рубеж, он обратился к написанию докторской диссертации, в которой подводил итог своей многолетней творческой работе.

В.П. не был замкнутым, пусть и успешным профессионалом. Он интересовался многим, что нас окружает, и мог интересно об этом говорить. В годы оттепели его привлекали встречи поэтов, бардов, певцов и музыкантов в клубе «Под интегралом», но о политике он не любил говорить. Он любил встречи в узком кругу друзей, когда можно было обсудить разные интересные темы. Мы нечасто встречались, а потому эти встречи были особенно приятными. Как правило, в них принимал участие и Владимир Зиновьевич Коган, интересный человек, долгое время работавший журналистом, а затем перешедший на научно-преподавательскую деятельность. Он защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации и последние годы, вплоть до своей смерти, работал зав. кафедрой социологии СибГУТИ. В. З. Коган вспоминал о своих встречах с Радой Хрущевой, работавшей в то время в каком-то крупном московском издательстве. По характеру своей работы в течение последних 12 лет я часто выезжал за границу — в Европу, Израиль, Китай, что давало нам пищу для обсуждения мировых и российских ситуаций. В.П. активно участвовал в этих разговорах со своими комментариями и мудрыми оценками.

Вольдемар Петрович умел любить жизнь, умел видеть в ней интересное и передавать этот интерес другим людям. Он был большим Ученым и настоящим Человеком.

ВОСПОМИНАНИЯ О В. П. КОРОНКЕВИЧЕ

Александр Григорьевич ПОЛЕЩУК

*Доктор технических наук,
заведующий лабораторией дифракционной оптики ИАиЭ*

Совершенно случайным стало мое знакомство с Вольдемаром Петровичем и работа в ИАиЭ. История эта довольно интересная, так как связана с реальностями «развитого социализма» 70-х годов прошлого века, и некоторые эти вещи современной молодежи просто неведомы. Поэтому я начну с предыстории.

Я окончил Новосибирский институт связи в 1972 г. Вместе с женой Любой, с которой учился в одной группе, мы были распределены в г. Петропавловск (Казахстан), радиоинженерами на телецентр. Это считалось по тем временам очень хорошим распределением, так как большая часть выпускников радиофакультета или шла в армию, или ехала в Тьмутаракань, обслуживать радиостанции или радиорелейки. Наш выбор Петропавловского телецентра был обусловлен, в первую очередь, предоставлением молодым специалистам квартиры, которая имелась якобы в наличии, как значилось в их заявке. На распределение в НЭИС лично приезжал начальник телецентра и на наш вопрос: «А что за квартира?», не моргнув глазом, ответил: «Вам двух- или трехкомнатную?». Это нас убедило.

И вот в июле 1972 года, прямо с поезда, с вещами, мы прибыли в г. Петропавловск к начальнику телецентра: «Мы молодые специалисты из Новосибирска, прибыли по вашей заявке, пожалуйста, скорее поселите нас в обещанную квартиру!». Но реальность оказалась не такой радужной. После аудиенции нас отвезли в барак, за город, в маленькую холодную комнату. По ночам потолок комнаты был облеплен двухвостками, весьма мерзкими насекомыми. По заверению начальника, мы должны там жить, пока не сдадут дом, где нас ждет двух- или трехкомнатная квартира (на выбор). Через несколько дней, после бесчисленных вопросов, мы, наконец, узнали, где наш будущий дом и что у нас будет за работа. Нам сообщили, что мы поедем работать на новый ретранслятор, 200 км от города, в село Николаевка, в центр казахстанской степи. Дом скоро начнут строить, а пока мы будем жить в бараке... Ретранслятор — это цех телецентра, так что никакого обмана — так нам говорили во всех высоких кабинетах города, куда бы мы ни обращались. Поняв, что нас просто надули, мы по-английски, не попрощавшись, вернулись в Новосибирск.

На удивление, мы смогли быстро найти работу по специальности. Естественно, мы особенно не распространялись, что мы беглые молодые специалисты. Так как мы окончили институт всего пару месяцев назад, трудовых книжек у нас не спрашивали. Нас обоих приняли на работу радиоинженерами в Новосибирский институт метрологии (нынешний СНИИМ), в лабораторию Георгия Ивановича Цибина. Работа была интересная, мы выполнили несколько серьезных проектов, все вроде бы складывалось хорошо.

Но через несколько месяцев произошел интересный случай. На улице лицом к лицу я встретился с моим бывшим начальником телецентра, который приехал в Новосибирск за набором новых молодых специалистов. Далее, через пару недель, нас вызвали в отдел кадров и сообщили, что поступило письмо из прокуратуры с требованием нас уволить и отправить по месту правильной работы. Это было серьезное письмо, и никакие наши просьбы не действовали. В том числе и то, что моя жена в декрете. Интересный ответ я получил в Новосибирском облсовпрофе, куда пошел жаловаться, что мою жену увольняют на 7-м месяце беременности: «...никакой ошибки нет, беременных увольнять можно, так как она была принята на работу неправильно и декретные ей не положены!». Так мы стали безработными в СССР. В трудовой книжке появилась замечательная надпись: «Уволен как молодой специалист». Была весна 1973 года. Я последовательно прошел практически все институты, заво-

ды и «почтовые ящики» города. Везде, куда бы я ни приходил проситься на работу, после собеседования меня брали, но потом спрашивали трудовую книжку, и на этом переговоры кончались. Два месяца без работы, в те времена, когда большинство жило от зарплаты до зарплаты, были серьезным испытанием.

В один из таких дней я на улице случайно встретил Г. И. Цибина. Он пригласил меня в гости, в лабораторию, на нашу бывшую работу, и я ему поведал о наших бедах и беспросветном будущем. И вот Георгий Иванович мне говорит: «А в Академгородке ты работу не искал?». Он берет телефон, куда-то звонит и говорит: «Завтра езжай в Институт автоматики и спроси Вольдемара Петровича Коронкевича». Ночь я, конечно, не спал, для меня тогда Институт автоматики был что-то вроде сюжета из фантастической книги. Несколько моих знакомых студентов делали там дипломы и рассказывали совершенно удивительные вещи про ЭВМ, ЦАПы и АЦП. И вот я еду туда, звоню по телефону, и меня проводят в комнату к Вольдемару Петровичу. Мы немного поговорили о разных довольно отвлеченных вещах, и он говорит: «Пиши заявление о приеме на работу.» Потом он куда-то вышел ненадолго, вернулся и говорит: «Завтра выходи на работу». Я даже и не понял, ведь у меня трудовую книжку не посмотрели! Я спросил, а когда же мы пойдем к начальнику режима? Вольдемар Петрович улыбнулся и говорит, что нет тут у нас таких, директор института подписал твое заявление, и ты уже работаешь в должности инженера, а трудовую книжку отнеси потом в отдел кадров. Я был поражен такой демократией и первое время думал, что этот сон скоро кончится, и меня снова уволят.

В начале 70-х лаборатория когерентной оптики Вольдемара Петровича Коронкевича была одна из самых больших в институте и состояла из нескольких групп. Я начал работать в группе оптических функциональных преобразователей В. А. Федорова. Располагались мы в здании СКБ НП (сейчас КТИ НП), и с Вольдемаром Петровичем я встречался довольно редко, в основном на лабораторных семинарах, праздничных мероприятиях или лыжных походах. Особенно весело проходили праздники, в основе которых лежал фирменный напиток «лазерная горькая», состоящий из смеси спирта, дистиллированной воды и лимонного сока. Душой всех этих мероприятий был Вольдемар Петрович, знавший невероятное количество историй и очень любивший их рассказывать. Поражала его память. Если он начинал что-то рассказывать, то называл фамилии, имена, отчества людей, даты, вплоть до погоды в этот день.

Один из визитов Вольдемара Петровича в расположение нашей группы мне особенно запомнился. В числе наших работ в то время было исследование параметрического возбуждения волн на поверхности жидкости под действием переменного низкочастотного электрического поля. Эта работа велась совместно с лабораторией проф. В. С. Львова и имела для группы большое политическое значение. Мы сделали теневой прибор для визуализации этих волн в бассейне. Однажды для приемки наших достижений к нам прибыла комиссия, в составе которой были В. С. Львов, В. С. Соболев, В. П. Коронкевич и кто-то еще. Пока В. А. Федоров рассказывал о сути эксперимента, мы, молодые тогда еще ребята, скучали и решили пошутить. На поверхности бассейна плавал кусочек бумаги. Я навел лазерный пучок на эту бумажку, а Андрей Пичкуров чуть дунул на нее. Бумажка медленно поплыла. Это немедленно заметили члены комиссии. Почему она поплыла? Давление света? Возникла бурная дискуссия и меня попросили еще раз направить лазерный пучок. Андрей опять дунул. Бумажка опять поплыла. Большие ученые схватились за головы и ушли. Уже через много лет я рассказал Вольдемару Петровичу про эту шутку. Он долго смеялся и ответил, что, оказывается, тогда действительно решили, что это влияние лазерного излучения, и В. С. Львов пытался строить математическую модель, но она почему-то не сходилась. Работу мы тогда сдали хорошо...

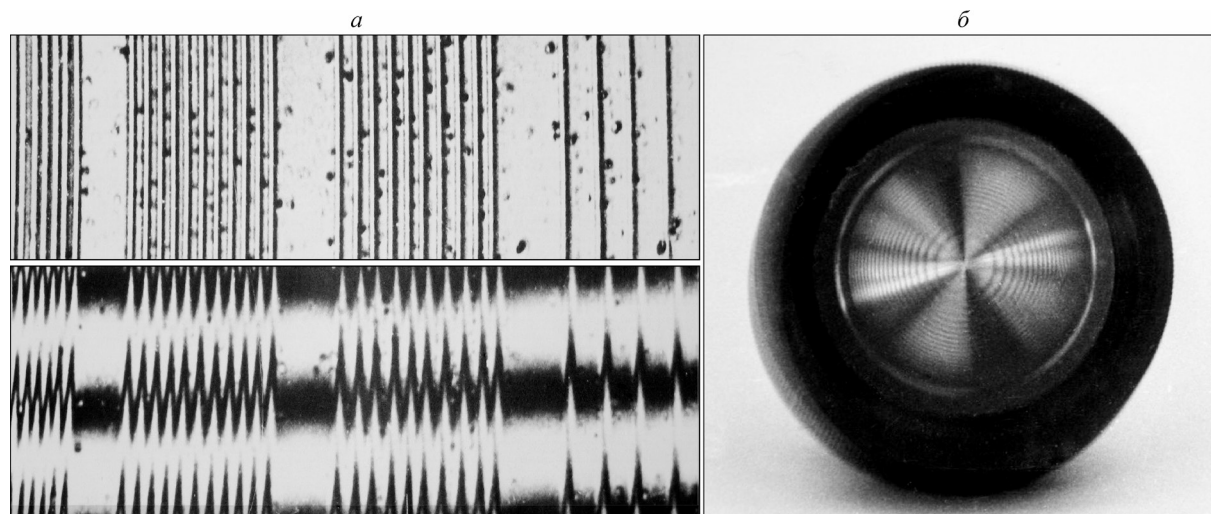
В 1975–1976 годах тематика работ лаборатории изменилась. Вольдемар Петрович принял решение, которое определило судьбу многих из нас на долгие годы. Причем это решение было принято им не под давлением сверху или из-за каких-то благ, а почти интуитивно. В 1975 г. на Советско-американском семинаре по оптике, который проходил в США, профессор А. Корпель докладывал работу и демонстрировал лазерную видеоприставку к телевизору, которая с оптического диска диаметром около 30 см показывала цветной фильм. Вольдемару Петровичу очень понравилась эта работа и красота технического решения. Он понял, что будущее за технологией прямой лазерной записи на вращающийся дисковый носитель.

Вернувшись из США, Вольдемар Петрович уже осенью 1975 г. предложил создать в лаборатории лазерную записывающую систему ЛЗС, которая могла бы записывать цифровую информацию на дисковый носитель. К этому времени в лаборатории уже были разработаны и созданы лазерные интерферометры, позволяющие измерять расстояние с точностью до десятой доли микрона, лазерные доплеровские измерители скорости и теневые приборы для измерения формы волнового фронта (прообраз системы автофокусировки). А главное, имелся опыт их применения в прецизионном станкостроении. Так что, по мнению Вольдемара Петровича, задел был достаточно весомым. Эту идею поддержал директор института Ю. Е. Нестерихин.

Начался мозговой штурм. Вольдемар Петрович предложил всем сотрудникам лаборатории выбрать, по желанию, по узлу ЛЗС, изучить литературу и провести семинар. Всю осень и зиму шли обсуждения и семинары. Начал складываться облик будущего устройства, которое получило название «Видеодиск». Я провел семинар по оптической системе автофокусировки ЛЗС, и Вольдемар Петрович предложил мне ее воплощать в железо. В 1976 г. я перешел из группы В. А. Федорова в саму лабораторию и поселился на долгие годы в ком. 3 подвала, где создавалась ЛЗС.

Первые два года ЛЗС создавалась для записи цифровой информации на дисковый носитель, являясь как бы конкурентом ГЗУ. Однако к 1978 году Вольдемару Петровичу стало ясно, что соревноваться с фирмами Zenite, Phillips, Sony по выпуску видеодисков — совершенно бесперспективно. Поэтому направление исследовательских работ на установке было плавно переключено на разработку методов записи осесимметричных дифракционных элементов — киноформов. Нам помогло то, что конструкция нашей ЛЗС, в отличие от систем Корпеля, позволяла перемещать платформу с головкой записи от самого центра до периферии записываемой структуры. Эта особенность позволила нам уже в 1978 году записать на халькогенидной пленке дифракционные элементы и впервые доложить результаты на III Международной конференции по голографии в г. Ульяновске.

В институте к середине 70-х годов уже была разработана и широко применялась передовая для того времени технология оптической записи на пленках ХСП (лаб. Малиновского, Цукермана). Вольдемар Петрович принял решение использовать пленки ХСП для записи на установке «Видеодиск». Первые эксперименты по записи проводились плавлением локального участка пленки движущимся сфокусированным пучком He–Ne-лазера. Качество записи было довольно низким — от плавления образовывался «бруствер», часть материала пленки испарялась и оседала на соседние участки и даже на фокусирующий объектив. По такой технологии были изготовлены первые дифракционные элементы, отработаны основные узлы установки записи и ее программное обеспечение. Удивительно, но многие приемы записи, предложенные Вольдемаром Петровичем, используются нами и сейчас, через 35 лет, почти без изменений, например тестовая запись, представленная ниже.

Фотография и интерферограмма тестовых дорожек с периодом 1,5, 2, 2,5 и 5 мкм (а), записанных на пленке ХСП (б), и первый ДОЗ с пилообразным профилем зон (1978 г.).

Однако низкая механическая прочность и температура плавления пленок ХСП, их плохая адгезия к подложке, большое поглощение в оптическом диапазоне, высокий коэффициент преломления, наличие в пленке вредных для здоровья людей веществ, а также человеческий фактор (уход из лаборатории технолога В. Наливайко) заставили Вольдемара Петровича начать поиск других методов лазерной записи.

Он предложил подумать об этом мне и Е. Г. Чурину, научным сотрудникам — оптику и физику, никогда ранее не занимавшимся вопросами технологии. Первым делом на установке записи был поставлен мощный аргоновый лазер с более короткой длиной волны (488 нм) и применен более сильный фокусирующий объектив ($NA = 0,65$). Это позволило получить сфокусированное пятно диаметром около 0,6–0,8 мкм. Плотность мощности (более 1 МВт/см²) в сфокусированном пятне была такая, что позволяла за доли микросекунды локально испарять практически все доступные нам пленки металлов. Основное внимание было сосредоточено на лазерной обработке тонких пленок хрома как наиболее доступных. Мы начали исследовать методы записи ДООЭ путем испарения пленки хрома, но уже в первых экспериментах нами был случайно обнаружен термохимический эффект образования скрытого изображения. Уже позднее мы узнали, что подобная технология была открыта ранее в Ленинграде — группой исследователей под руководством проф. В. П. Вейко. Скрытое изображение в хrome мы досконально исследовали и получили новые научные результаты, которые позволили нам производить запись высококачественных дифракционных амплитудных элементов: штриховых и угловых шкал, кодовых дисков, сеток и различного рода фотошаблонов, которые широко применялись в оптике.

Эти результаты сразу привлекли к нам внимание оптической промышленности (УОМЗ, г. Свердловск, ГОИ, г. Ленинград, НПЗ и ЦКБ г. Новосибирск), и в лаборатории, наконец, вместе с хоз. договорами появились деньги. Следует отметить, что все работы по созданию установки и исследованию технологий в течение первых 5 лет не финансировались, а велись Вольдемаром Петровичем на инициативной основе.

В 80-е годы мы постоянно совершенствовали установку для изготовления дифракционных элементов. Совместно с НПО «Луч» были записаны первые в России мастер-диски для магнитооптической памяти и изготовлена станция записи, которая проработала в этой организации много лет. В дальнейшем были освоены новые материалы для оптической записи: фоторезист, аморфный кремний и LDV-стекла. Эти работы, выполненные В. П. Корольковым, позволили создать новые классы полутонковых и рельефных дифракционных элементов.

С начала 90-х годов контракты с отечественной промышленностью прекратились, но нам помогли старые связи Вольдемара Петровича с научными центрами Германии. В это труд-

А. Г. Полещук и В.П.К. за рабочим столом.

ное время (1994–1997) по инициативе Вольдемара Петровича мы получили экспортные заказы на изготовление ЛЗС для Германии и Италии, которые успешно выполнили совместно с КТИ научного приборостроения.

В 1993 г. Вольдемар Петрович получил письмо из США, которое снова изменило направление исследований лаборатории. За некоторое время до этого Вольдемар Петрович был приглашен на международную конференцию в Канаду, где сделал очень хороший доклад. Сборник трудов этой конференции прочитал д-р Дж. Берч из Стюартовской обсерватории Университета Аризоны. Он понял, что в России могут решить проблемы контроля зеркал больших телескопов, которые начали создаваться в США.

Начиная с 1994 г., лаборатория стала тесно сотрудничать с Университетом Аризоны. Разработанная у нас термохимическая технология записи была применена там для изготовления самых больших в мире синтезированных голограмм диаметром до 2 м. В нашей лаборатории разработаны методы записи и изготовлены высокоточные синтезированные голограммы для контроля асферических зеркал гигантских телескопов с диаметрами в 2,4; 3,0; 6,5; 8,4 метра. Разработанные у нас методы формирования волновых фронтов с помощью дифракционных элементов позволили контролировать форму асферических поверхностей многометровых зеркал с точностью 10–20 нм на расстоянии в несколько метров.

Установка «Видеодиск» в 80-е годы была одним из основных демонстрируемых достижений института. Ее показывали ряду VIP-персон.

Президент Академии наук СССР академик Александров после того как Вольдемар Петрович попросил его написать несколько слов на память для лаборатории, стал писать, но в это время академик Ю. Е. Нестерихин ему говорит, что эта записка будет для лаборатории премией. Александров возмутился и написал: «Это вам не вместо премии, а вместе с премией» и поздравил наш коллектив. Уходя из лаборатории, он долго ворчал на Нестерихина и спрашивал, как он мог так некрасиво сказать. Премию, правда, все равно не дали.

Основатель цифровой голографии, большой друг Вольдемара Петровича, профессор А. Ломан (ФРГ) написал: «Ваша машина с ее точным интерферометрическим управлением и гибким компьютерным контролем великолепна. Материал, выбранный для записи, тоже хорош. Вы можете создать множество очень полезных плоских оптических элементов. Удачи вам!». Были получены положительные отзывы от целого ряда других зарубежных ученых.

ВСПОМИНАЯ ВОЛЬДЕМАРА ПЕТРОВИЧА...

Олег Иосифович ПОТАТУРКИН

*Доктор технических наук,
профессор, зам. директора ИАиЭ СО РАН*

Вольдемар Петрович Коронкевич оставил неизгладимый след в моей жизни, поскольку в значительной степени определил направление научной деятельности, коллектив и место работы. В мае 1968 г., когда я заканчивал 3 курс физфака Новосибирского государственного университета, наш зав. кафедрой «Квантовая оптика» Сергей Глебович Раутиан провел встречу студентов с Вольдемаром Петровичем, представлявшим Институт автоматики и электрометрии СО АН СССР. За несколько месяцев до этого, в конце 1967 г., директором института стал Юрий Ефремович Нестерихин, который существенно изменил тематику и пригласил Вольдемара Петровича в начале 1968 г. на работу зав. лабораторией «Когерентная оптика». Замечу, что первоначальное название лаборатории было существенно сложнее, но суть ее и дальнейшее название (с начала 70-х годов) было именно таким. С этого момента в институте начинают широким фронтом проводиться фундаментальные и прикладные исследования в области оптики (интерферометрия, голография, память, обработка информации). Все это, включая перспективы развития, Вольдемар Петрович так ярко и красочно обрисовал, поскольку был великолепным рассказчиком, что я, практически не сомневаясь, пришел в начале сентября 1968 г. на практику к нему в лабораторию. За неполные два месяца спаял усилитель, полностью отъюстировал сложную многопараметрическую оптическую систему, выполнил пару небольших экспериментов по поиску ИК-спектров органических соединений и по его совету перешел в тематическую группу П. Е. Твердохлеба. В это время там формировался коллектив молодых, перспективных и активных исследователей, в составе которого я проработал, в том или ином виде, много лет. Стал тем, кем стал (и благодаря, и вопреки), и, в общем-то, прожил непростую и интересную жизнь, старт которой во многом положил Вольдемар Петрович. Именно он способствовал тому, что я оказался в Институте автоматики, и в значительной степени определил направление моей научной деятельности. Я часто потом задумывался, почему он отправил меня к Петру Емельяновичу Твердохлебу, и не мог однозначно ответить на этот вопрос. Скорее всего, мы были людьми разного темперамента, и ему было в чем-то дискомфортно со мной. Поэтому он и принял правильное (по моему теперешнему пониманию) решение направить мою энергию туда, где ее и так было с избытком. Конечно же, я очень благодарен ему за то, что так случилось со мной в жизни. Тем более что на протяжении всех последующих лет мы работали рядом, были в прекрасных отношениях. Я всегда мог прийти к нему и обсудить любую научную или житейскую проблему, получить доброжелательный и, как правило, мудрый совет. Впоследствии, уже в конце 70-х, во многом благодаря ВПК, я опубликовал свою первую статью за рубежом. Причем сразу в таком авторитетном журнале как *Applied Optics*. Он помог мне не только советами по существу работы, но и рекомендовал ее Дж. Строуку, что в то время много значило для бесплатной публикации советских авторов в американских журналах.

Оглядываясь назад, хочу сказать, что, конечно же, Ю. Е. Нестерихин был организатором и движущей силой оптического направления в нашем Институте — и как физик по образованию, и как ученый, четко чувствующий перспективность той или иной научной тематики. Однако именно Вольдемар Петрович, особенно в первые годы, был неформальным лидером этого направления и в силу своих человеческих качеств, и как высокопрофессиональный ученый с большим многолетним опытом работы и знаниями в этой области. Он возглавил первую по-настоящему оптическую лабораторию нашего института. Потом, через несколь-

ко лет (в начале 70-х), были организованы еще несколько лабораторий этого направления (П. Е. Твердохлеба, В. К. Малиновского, В. С. Соболева). Вместе с лабораторией В. П. Коронкевича они на протяжении многих лет плодотворно работали в рамках общей программы в области когерентно-оптических вычислений, голографической памяти, оптической обработки информации, лазерных систем восприятия, оптических измерительных систем. Сейчас в институте успешно и плодотворно работают две лаборатории («Дифракционная оптика» и «Лазерная графика»), тематику которых во многом определил Вольдемар Петрович и которые возглавляют его ученики: А. Г. Полещук и В. П. Бессмельцев.

Особенно ярко, с моей точки зрения, профессиональные и человеческие качества В. П. Коронкевича проявились при организации многочисленных международных школ, конференций и семинаров, проводимых в нашей стране и за рубежом в период с 1973 по 1989 г. В первую очередь это V школа по голографии (зима 1973 г.) и Советско-американский семинар по оптической обработке информации (лето 1976 г.), на которые съехались практически все крупные зарубежные ученые, за исключением лишь таких классиков, как А. Вандер-Люгт, Дж. Гудмен и М. Франсон. Замечу, что последний посетил наш институт в конце 70-х годов, и общение с ним было чрезвычайно приятно и полезно. Наши ученые полностью соответствовали и были адекватны своим зарубежным коллегам. В институте и других отечественных организациях (в первую очередь, ФИАН, ФТИ им. А. Ф. Иоффе, ИППИ) было множество интересных оригинальных работ, которые открыли для себя иностранцы. На этих форумах присутствовало много не только высокопрофессиональных, но и просто интересных людей. Это был фейерверк идей, плодотворных обсуждений, юмора и прекрасного времяпрепровождения. Вольдемар Петрович и здесь стоял особняком. Он пользовался заслуженным авторитетом у иностранных и отечественных коллег, а также, что гораздо сложнее, с моей точки зрения, у Ю. Е. Нестерихина. Во многом благодаря ему создавалась благожелательная и творческая аура общения.

Хочется отметить свойственные только ему человеческие качества. Помимо высокого научного профессионализма, он обладал тонким чувством юмора, был великолепным рассказчиком с энциклопедическими знаниями, настоящим ленинградским интеллигентом. Именно таким Вольдемар Петрович остается в нашей памяти.

О МОЕМ НАСТАВНИКЕ

Елена Сергеевна СЕНЧЕНКО

Аспирантка НГТУ

В 2004 году окончила Аэрокосмический лицей и поступила в Новосибирский государственный технический университет на специальность «Оптико-информационные технологии». Со второго курса (2006 г.) начала проходить научно-исследовательскую практику в Академгородке в Институте автоматики и электрометрии, где научным руководителем стал Вольдемар Петрович Коронкевич. Тогда я ничего не знала о научной работе и об Академгородке. Вольдемар Петрович всегда с большим пониманием относился ко мне, интересовался и подсказывал. Лишь однажды сделал мне замечание, и было очень стыдно от этого.

Поражает, что про В.П. никто никогда не говорил чего-то дурного. Все люди, с которыми я общалась, про него говорили, что В.П. хороший начальник, сотрудник, преподаватель, научный руководитель, собеседник. Даже студенты, у которых он читал лекции и принимал экзамены, не говорили о нем ни капли плохого! Даже его подчиненные! Удивительно! Единственный человек такого рода.

Помню, как Алексей Маточкин рассказывал мне о В.П. Это было, когда я еще только пришла к нему на практику. Алексей объяснял, что В.П. — великий ученый и отличный человек. И я должна гордиться тем, что попала к нему. А я и так гордилась. Уже тогда.

Очень много он сделал для меня. Он ходил устраивать меня в ИАиЭ, когда сам болел и лежал в больницах, организовывал мое выступление перед лабораторией и на конференциях. Вместе с Сергеем Вольдемаровичем была в команде создателей наглядного пособия по оптике для средних учебных заведений «Оптический конструктор», разработанного под руководством В.П. И мы заняли 1 место! Я очень ему благодарна.

Хоть он и болел часто и мог мало времени уделять моей практике, помню, когда В.П. сказал, что передаст меня другому научному руководителю, я чуть не расплакалась! Помню это как сейчас. Мне так не хотелось от него уходить!

Что еще поражало, так его трудолюбие, работоспособность! Меня восхищало, что он ездил на работу на такси! Он чувствовал себя плохо и ходить на работу не мог, поэтому, чтобы не пропускать ее, отправлялся на такси! Чтобы продолжать писать статьи, рецензии, делать новые приборы.

К моему большому сожалению, я мало знала В.П. Мы не успели поговорить на разные темы, я всегда стеснялась, мне было неловко начать разговор на произвольную, не рабочую тему. Но бывает, что человек, хоть ты его и не знаешь, цепляет, задевает за живое, очаровывает обаянием. Это умел В.П. Я очень его любила.

А еще на 8 марта В.П. подарил мне шоколадку. Просто так подарил. Я была так рада, что он обо мне вспомнил!

Он был старше меня ровно на 60 лет, мы родились в один день. Не знаю, знал ли он об этом. Он не любил своих дней рождения, как мне показалось.

Его сын, Сергей Вольдемарович, очень похож на отца. И внешне, и по общению. Мне было очень приятно с ним работать, к тому же тогда можно было приходить в гости!

Я очень удивилась, когда узнала, что квартиру оформлял и украшал В.П. сам! Настолько приятная, красивая, современная обстановка была в их доме. Совсем не похожая на квартиру пожилых людей. Хотя режет ухо называть В.П. — пожилым человеком. Он был молод, просто болел. Не было ни склада вещей, ни мусора. На кухне стояла красивая яркая посуда. Я долго была уверена, что ее купили дети.

Для меня Вольдемар Петрович — великий человек. Он сделал много хорошего не только мне, но и всем, кто с ним общался. Человек, у которого действительно высокие моральные устои, огромное обаяние и светлый ум. Спасибо Вам.

МОЙ ДРУГ В. П. КОРОНКЕВИЧ

Виктор Сергеевич СОБОЛЕВ

*Доктор технических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИАиЭ СО РАН*

Только теперь, когда он ушел, я понял, как много он для меня значил. Это был настоящий друг и очень хороший человек. Это был оптимист, жизнерадостный и очень умный, тонкий, интеллигентный, глубоко порядочный, большой эрудит, отзывчивый и искренний друг. К нему всегда можно было прийти посоветоваться по поводу любых трудностей, найти сочувствие и мудрый, ненавязчивый, но всегда верный совет. Что касается науки, то он был ученый очень высокой квалификации, оптику он не только прекрасно знал, он ее чувствовал.

Так случилось, что мы были люди разных специальностей — он оптик, а я — специалист в области электроники. Но нас объединило общее основание этих специальностей — электромагнитные волны. Когда мне необходимо было уяснить некоторые вопросы оптики, он доходчиво образовывал меня, и точно так же я, чем мог, помогал ему. Наши беседы были очень большим подспорьем в работе. Но, кроме того, было еще какое-то родство душ. Мы сходились с ним по многим не только научным, но политическим и жизненным вопросам. С ним хорошо было отдыхать, он был фанат-грибник, и много раз мы с ним бродили по лесу.

Несколько раз нам довелось вместе путешествовать по России и бывать за границей. В связи с этим мне хотелось бы рассказать о некоторых интересных эпизодах и смешных случаях. О том, например, как зародилось наше сотрудничество с известной немецкой фирмой «Карл Цейсс Йена». В 1978 г. в СО АН СССР приехал зам. директора этой фирмы по науке проф. Мюллер, и нас с В. П. Коронкевичем попросили показать наш институт и город Новосибирск. Посоветовавшись, мы решили пригласить Мюллера в Оперный театр на балетное представление. Он был очень доволен. На обратном пути он предложил обсудить проблематику возможного научно-технического сотрудничества, так как фирма «Карл Цейсс Йена» нуждалась в обновлении своей тематики и номенклатуры выпускаемых изделий с упором на новейшие достижения науки. В процессе обсуждения прямо на пути в Академгородок мы предложили совместно разработать коммерческий вариант лазерных доплеровских систем, предназначенных для оснащения гидроаэродинамического эксперимента. Мюллер, выяснив принципы действия этих систем, с энтузиазмом принял это предложение. Уже через три месяца немецкие специалисты — главный инженер фирмы В. Ваймар и ведущий конструктор фирмы В. Криг — прибыли в институт. Работа началась. Свежие научные результаты — в виде принципов построения отдельных узлов системы и необходимых расчетов — превращались в рабочие чертежи. Через год появился опытный образец, и мы группой в составе В. С. Соболева, Ю. Н. Дубнищева, Ю. Г. Василенко, А. А. Столповского и Е. Н. Уткина отправились в г. Йену его оживлять. Нас поселили в шикарный загородный дом. Через неделю система была отлажена и намечены пути корректировки. Через год откорректированный опытный образец был доставлен в Новосибирск, и немецкие специалисты Н. Файстауэр, В. Криг и др. прибыли в наш институт. Произошла стыковка оптической части, изготовленной в ГДР, и электроники, изготовленной в ИАиЭ СО АН СССР. А уже весной 1982 г. на Весенней Лейпцигской ярмарке наш сотрудник Ю. Г. Василенко демонстрировал полный комплект системы. Она называлась ЛАДО-1 и произвела фурор, так как к тому времени только известная своими разработками для гидроаэродинамических экспериментов знаменитая датская фирма ДИЗА выпускала доплеровские системы, да и то в виде своеобразного конструктора из нескольких узлов, а не законченной системы. Несколько экземпляров ЛАДО-1 и после-

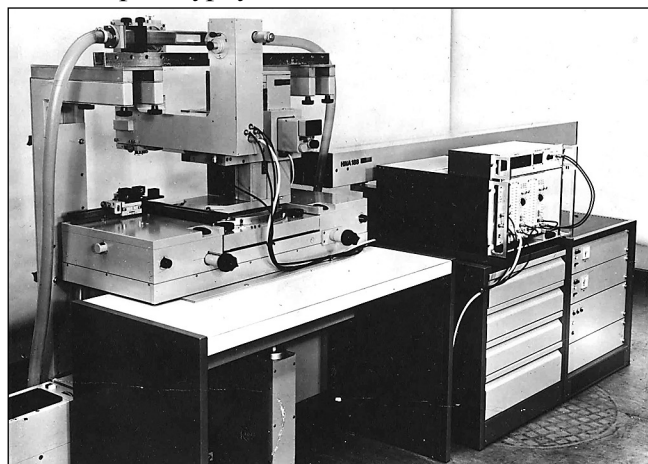

Разработчики доплеровских систем от ИАиЭ СО АН СССР и «Карл Цейсс Йена» в Академгородке. Слева направо: Ф. Бауман, В. П. Коронкевич, Н. Файстауэр, В. С. Соболев, В. Криг, А. Жилевский.

дующей совместной разработки ЛАДО-2 были приобретены рядом институтов Сибирского отделения и эксплуатируются до сих пор. Это яркий пример того, как спонтанно, в неформальной обстановке возникают направления международного сотрудничества.

Совместными усилиями лабораторий В. П. Коронкевича и моей по заказу Государственного оптического Института (г. Ленинград) был разработан доплеровский измеритель для исследования турбулентности океана. Затем он был изготовлен на Приборостроительном заводе им. Ленина (г. Новосибирск) и с его помощью проведены исследования турбулентных характеристик Черного и Охотского морей. На основе этих разработок в восьмидесятые годы в Институте автоматики и электрометрии СО АН СССР с непосредственным участием наших лабораторий был проведен серьезный цикл исследований закономерностей зарождения гидродинамической турбулентности на примере течения Куэтта. Эти работы вызвали особенный интерес в Сибирском отделении и в мире. Следует отметить, что к этому времени в теории турбулентных движений оставалась не решенной только именно эта проблема.

Коммерческий вариант лазерной доплеровской системы ЛАДО -1, созданный совместными усилиями фирмы «Карл Цейсс Йена» и ИАиЭ СО РАН

В 1975 г. в результате наших совместных с лабораторией Коронкевича работ появилась монография «Лазерные доплеровские измерители скорости». Как выяснилось потом, она оказалась очень популярной и первой в мире по этой тогда очень актуальной теме. Нашими

На теплоходе во время семинара «Оптические информационные технологии» (10–21 июля 1989 г., г. Новосибирск). Слева направо: зав. лаб. ИАиЭ В. П. Коронкевич, известный оптик из Германии профессор Шульц-Дюбуа, к. т. н. Г. А. Ленкова (из лаборатории Коронкевича), зав. лаб. ИАиЭ В. С. Соболев и научный сотрудник Ю. Н. Тищенко.

соавторами были Ю. Н. Дубнищев, А. А. Столповский, Ю. Г. Василенко, Е. Н. Уткин, а в 1985 г. издательство «Наука» выпустило вторую, более солидную монографию «Лазерная интерферометрия», обобщившую весь комплекс многолетних работ наших лабораторий.

Наши коллективы участвовали во многих международных и отечественных научных конференциях. Одна из них, посвященная голографии, была особенно представительной. В ней приняло участие много крупных отечественных и зарубежных ученых.

Хочу рассказать о последней разработке Вольдемара Петровича, его величайшем достижении — дифракционном двухфокусном искусственном хрусталике глаза.

С возрастом у многих людей развивается катаракта, т. е. помутнение хрусталика, что приводит к потере зрения. Единственный метод решения этой проблемы — хирургическое удаление мутного хрусталика и замена его на интраокулярную линзу. О масштабах этого заболевания говорит тот факт, что ежегодно в мире производится до трех миллионов подобных операций, а потребность составляет 30 миллионов. Большинство искусственных хрусталиков, выпускаемых различными фирмами, однофокусные. После их имплантации требуется дополнительная коррекция зрения с помощью очков, так как у человека пропадает главная функция хрусталика — аккомодация, т. е. способность фокусироваться на желаемый объект, находящийся на некотором удалении. После операции пациенту необходимо иметь пару очков. Одни «для близи», другие — «для дали».

Решение этой проблемы — в создании двухфокусного хрусталика. Дело в том, что мозг человека сам выбирает более четкое изображение из тех двух, которые формирует на сетчатке двухфокусный хрусталик. Группа энтузиастов под руководством В. П. Коронкевича взялась за решение проблемы создания такого хрусталика. Работы начались в 2003 г. Группе пришлось преодолеть необыкновенные трудности, так как нужно было рассчитать и изготовить матрицу хрусталика с делением энергии поступающего в глаз света по фокусам ровно по 50 %. Решить такую серьезную проблему помог колоссальный опыт Вольдемара Петровича, накопленный при разработке сверхвысокоточного лазерного фотопостроителя, на создание которого ушло более 20 лет. Эта машина, снабженная таким измерительным инструментом, как лазерный интерферометр, способна мощным сильно сфокусированным лазерным лучом с точностью в десятые и даже сотые доли микрометра нарисовать любое изображение, которое будет введено в управляющий ею компьютер. После решения этой задачи нужно было разработать необходимую технологию и, главное, пробить сертификацию созданного хрусталика. Были преодолены практически непреодолимые препятствия, так как понятно, что медицинские правила не могли допустить никакого промаха, ведь решалась проблема зрения пациента. И тут не могло быть никакого сбоя. Все трудности были преодолены, 21 февраля 2006 г. 76-летнему слепому пациенту в Новосибирском МНТК Микрoхирургии глаза канд. мед. наук хирургом И. А. Исаковым был имплантирован созданный бифокальный хрусталик. Острота зрения превышала 90 % как для ближних, так и для дальних расстояний. В. П. Коронкевич победил!

Хочу еще рассказать о двух курьезных случаях с В. П. Коронкевичем во время нашего пребывания в ГДР. Для проведения переговоров с фирмой «Карл Цейсс Йена» о дальней-

В.П. Коронкевич с В.С.Соболевым
в научной командировке в Германии.

шем сотрудничестве мы вечером прилетели в Берлин с тем, чтобы назавтра ранним утром отправиться поездом в Йену. Нас поселили в самый крупный отель «Штат Берлин» в самом центре столицы в небольшой уютный номер на двоих. Пока я осваивался, Вольдемар Петрович изучал проспект отеля. Он отлично знал немецкий. Через некоторое время он говорит: «Слушай, в десяти минутах ходьбы от отеля расположено старое немецкое кладбище, где похоронены такие знаменитые люди, как основатель диалектики Гегель, знаменитый драматург Бертольд Брехт и основатель исторического материализма Людвиг Фейербах. Давай завтра раненько встанем и посетим это кладбище». Утром чуть свет мы уже были там. Без труда на большой поляне обнаружили громадный надгробный памятник с выбитым факсимиле «Бертольд Брехт», легко нашли две аккуратные, стоявшие рядом обнесенные чугунной оградкой могилки великого материалиста и его супруги, а вот с Гегелем нам не повезло. Два раза мы обошли это небольшое кладбище, но место упокоения великого диалектика так и не нашли. Было раннее утро, на кладбище пусто, и спросить было не у кого. Время поджимало, и мы направились к выходу. И уже при выходе мы увидели старушку с румяной физиономией и явными признаками легкого опьянения. Мы обратились к ней за справкой: «Wo ist могила Гегеля?». Она подумала, пожала плечами: «Ich weist nicht». Мы пошли дальше, и тут она обернулась, хлопнула себя по лбу и сказала: «Хегель!» и показала рукой направление. Мы быстро нашли и эту могилу и поскорее направились в отель. Оказалось, что Гегель (так же как и Гитлер) немцы произносят, начиная со звука «ха».

В Германии.

Второй забавный эпизод произошел в нашу следующую поездку в Германию, опять в Йену, когда после успешных переговоров директор оптического завода фирмы «Карл Цейсс» М. Ваймар решил показать нам горный курорт — немецкий Оберхоф и заодно покормить нас обедом в самом известном своей кухней ресторане. Насладившись горными пейзажами и изрядно проголодавшись, мы отправились обедать. Ваймар пошел заказывать столик и вернулся весьма смущенный — мест не было. Немного подумав, он снова исчез и через несколько минут сияющий, вернулся и повел нас в зал. Отлично пообедав, мы спросили его, как ему удалось повернуть это дело. Он хитро улыбнулся и выдал тайну. Он нашел мэтра ресторана и сказал ему, что Оберхоф решили посетить министр культуры СССР и его заместитель. Так мы с Вольдемаром Петровичем ненадолго побывали в ранге министра СССР и его зама.

Рискну привести доморощенные стихи, подготовленные мной к юбилею Вольдемара Петровича (подражание А. С. Пушкину):

Друзья!
Без предисловья сей же час
Позвольте с юбиляром познакомиться Вас.

Коронкевич, добрый мой приятель,
Учился на берегах Невы,
Где, может быть, учились Вы
Или блистали, мой читатель.
Там некогда бывал и я,
Но вреден север для меня.

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава Богу,
У нас немудрено блеснуть.

Наш Вольдемар, по мненью многих
Судей решительных и строгих,
Ученый малый, не педант,
Имеет счастливый талант.

Без принужденья в разговоре
Во всем являет знатока,
Газеты все до дыр читает
И знает все наверняка.

Немецкий счас у нас не в моде,
Но для него он как родной,
И текст научный, как орехи,
Шутя, он щелкает порой.

ВСПОМИНАЯ В. П. КОРОНКЕВИЧА...

Виктор Александрович СОЙФЕР

*Член-корреспондент РАН, доктор технических наук,
директор Института систем обработки изображений РАН (г. Самара).
Лауреат Государственной премии и премии правительства РФ
в области науки и техники*

Ранней весной 2000 г. приехал я в Новосибирский Академгородок. Дело было перед выборами в Академию — основная цель приезда была и встретиться с сибирскими членами нашего Отделения информатики, вычислительной техники и автоматизации (так оно тогда называлось), и рассказать о своих работах. Встречался с академиками А. С. Алексеевым, Н. Т. Кузнецовым, Ю. И. Шокиным, чл.-корр. А. Н. Коноваловым (ныне академик), С. Т. Васьковым, В. Г. Хорошевским. От этих встреч остались самые хорошие воспоминания. Был назначен доклад в Институте автоматики и электрометрии СО РАН. В этом институте мне приходилось бывать и раньше. Больше всего меня интересовали работы в области дифракционной оптики. Здесь имелись большие достижения — как в научной, так и в инновационной составляющей. Вольдемар Петрович был в этой области признанным авторитетом. Мы, конечно, были знакомы и раньше, встречались и в Академгородке, и на конференции в Самаре, но с 2000 года стали общаться гораздо активнее. Победив в конце 2002 года в конкурсе Американского фонда гражданских исследований и развития (CRDF), наш институт получил средства на оборудование и приобрел у новосибирских коллег станцию лазерной записи CLWS-200, которую активно используем до сих пор, осуществляя ее апгрейд, постоянно контактируем с сотрудниками В. П. Коронкевича. Тогда, в 2000 г., после доклада Вольдемар Петрович пригласил меня к себе домой, и мы с ним долго, долго обедали (или скорее ужинали) и разговаривали в лучших традициях «кухонных» бесед. Говорили о Ленинграде — родном городе для В.П., да и для меня — не чужой: я там защищал обе диссертации и подолгу жил. Вспоминали общих питерских знакомых. Оказалось, что Вольдемар Петрович очень дружен с режиссером знаменитого ЛенТЮЗа З. Я. Корогодским (В.П. мне потом прислал его книгу о театре), а у меня в этом замечательном театре тоже были друзья-актеры — Александр Хочинский и Антонина Шуранова. К сожалению, их уже нет, как нет и Вольдемара Петровича.

Вольдемар Петрович был человеком увлекающимся. Подарил я ему свою небольшую книжицу по дифракционной оптике. В.П. ее тут же просмотрел, ему понравилось, и он говорит: «Буду использовать ее как учебное пособие для преподавания». Конечно, это было очень лестно для меня.

Вспоминаю о нем с большой теплотой как о талантливом ученом старой закалки, как о душевном и интеллигентном человеке.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВОЛЬДЕМАРА ПЕТРОВИЧА КОРОНКЕВИЧА

Владимир Михайлович ТАРАКАНОВ

В 1978–2005 гг. – Главный метролог НПЗ им. Ленина

В августе 2005 г. коллектив Новосибирского приборостроительного завода праздновал свой юбилей – 100-летие со дня его организации. К 100-летию завода группа ветеранов-заводчан под руководством Н. Ф. Секушенко, бывшего Главного метролога завода, а затем первого секретаря парткома завода, выпустила две объемные памятные юбилейные книги «Точный прицел» и «Через призму времени» под общим названием «История Новосибирского приборостроительного завода имени Ленина в воспоминаниях».

Во вводной части одной из них есть такие строки: «За многие десятилетия через проходную завода прошли сотни тысяч людей, здесь выросло не одно поколение, которое мужало в его стенах, обретало профессию и знания, постигая оптическую науку без отрыва от производства. Из таких “доморожденных” специалистов выросла целая плеяда приборостроителей, ставших затем руководителями и учеными разных рангов». Одним из таких был незабвенный Вольдемар Петрович Коронкевич.

Вольдемар Петрович работал на заводе в пятидесятых годах. В упомянутых выше книгах его фамилия называется в числе организаторов первого после войны цеха по выпуску гражданской оптической продукции. Завод переходил на мирные рельсы. Вольдемар Петрович был назначен заместителем начальника вновь созданного сборочного цеха № 16 по сборке инструментальных микроскопов, проекторов, автоколлиматоров, станочной оптики. Ему шел тогда 25-й год. Завод и новые гражданские цеха остро нуждались в специалистах-оптиках, и Вольдемар Петрович совместно с друзьями-соратниками под руководством главного инженера завода знаменитого А. А. Менца организует легендарный на заводе университет, где без отрыва от производства учатся бывшие фронтовики, недоучившиеся труженики тыла, руководители. Позднее эта «Академия Менца» преобразовалась в вечернее отделение НЭТИ – филиал на НПЗ. В этот период у Вольдемара Петровича было много друзей и старших товарищей, таких как Быховский Борис Исаакович, Галагуш Петр Ануфриевич, Митранюк Николай Анатольевич, Ряпов Иван Кузьмич и др. Всех их, их истории и похождения Вольдемар Петрович при наших встречах, уже позднее, вспоминал с большой теплотой.

Общение с такими корифеями в оптике, как бывший во время войны главным конструктором завода Ефим Израилевич Финкельштейн, видимо, и привело Вольдемара Петровича к поступлению в аспирантуру. Поэтому в конце 50-х годов Вольдемар Петрович оставил завод и всецело посвятил себя науке. Однако связи с заводом он никогда не прерывал. Завод для него был по-настоящему «отчим домом».

В книгах о заводе нет портрета Вольдемара Петровича, но его присутствие, душа – есть. Она есть в воспоминаниях старшего и молодого поколения приборостроителей.

В связи с тем, что автор этих строк моложе Вольдемара Петровича, время, когда я был принят на завод, совпало со временем его учебы в аспирантуре. Позже, в конце 60-х–начале 70-х годов, когда я уже был начальником сборочного цеха № 10, фамилия Коронкевича, благодаря рассказам моего наставника Б. И. Быховского и других, у меня была на слуху. Но поскольку я занимался выпуском специальной техники, то пути наши с Вольдемаром Петровичем не пересекались.

В 1978 г. меня назначили Главным метрологом завода. Практически с первой встречи, а было это на одной из научных конференций в СНИИМ, наше взаимопонимание в техниче-

ских проблемах было полным. Вольдемар Петрович очень хорошо знал свое направление в науке, легко, просто, доходчиво строил свои научные доклады и сообщения. Доклады и их автор были свободными, красивыми и, если можно так сказать, артистичными.

А какой он был интересный собеседник, и каким отеческим был подход ко мне лично! Он часто после очередной нашей деловой встречи приглашал меня в кафе выпить чашку кофе и поговорить на свободные темы о «жизнь-быть». Теперь, когда Вольдемара Петровича нет с нами, я, часто размышляя о наших теплых дружеских встречах, ловлю себя на мысли, что Вольдемар Петрович был для меня старшим братом, человеком широкой души, добрым, умным и очень нежным.

Когда я задаю себе вопрос — откуда это? — ответ нахожу в том, что Вольдемар Петрович всю жизнь очень и очень любил свой (наш) завод, а я для него был связующей нитью.

Лаборатория Института автоматики и электрометрии, которой долгое время руководил Вольдемар Петрович, на протяжении многих лет оказывала научную поддержку и содействие в разработке целого ряда наукоемких приборов и комплексов, выпускаемых нашим заводом для нужд производства и науки, многие из них и в настоящее время находят применение в промышленном производстве.

Новой вехой оптического приборостроения конца 1990-х—начала 2000-х годов явились наши совместные усилия и подходы к оценке качества особо точных и ответственных оптических компонентов приборов и систем. Традиционных методов контроля параметров оптических систем через оценки качества изображения предмета, разрешающей способности оптики становилось недостаточно, возникла необходимость в более точной системе оценки.

При непосредственном участии Вольдемара Петровича была разработана и согласована «Программа научно-технического сотрудничества на 1998—1999 годы» между ИАиЭ СО РАН и ПО «НПЗ», а также составлен «Протокол о научно-техническом сотрудничестве» наших организаций. В рамках этих планов был восстановлен и модернизирован лазерный измерительный комплекс «Zygo», что позволило нашему заводу снять остроту проблемы выпуска оптических компонентов для телескопов и других ответственных приборов.

Новый год на НПЗ им. Ленина. 24-й метрологический отдел. 30.12.2004.

*Веселитесь в этом зале
Для того Вас и позвали*

В 2001 году, развивая возможности интерферометрических методов контроля, лаборатория В.П.К. завершила исследовательские работы по созданию интерферометров контроля формы поверхности оптических компонентов. В 2002 году проведены работы по созданию оптико-электронной системы и программного обеспечения для анализа интерферограмм. В 2003 году проведены подготовительные работы по разработке метода контроля телескопов и созданию стенда для проверки и аттестации телескопических систем.

К сожалению, по не зависящим от нас причинам не всем нашим мечтам удалось сбыться. Время резких поворотов в судьбе страны не обошло и нас. Очень жаль упущенных возможностей. И, тем не менее, метод контроля и оценки качества оптических компонентов по интерферограммам завоевал на заводе неотъемлемое право на существование. В настоящее время производство оптики уже немыслимо без этого метода, а привнес его на завод сам Вольдемар Петрович. Кстати, председателем той приемочной комиссии был наш Генеральный директор Метельский Юрий Васильевич в присутствии директора КТИ НП СО РАН Чугуя Юрия Васильевича. Для меня это были счастливые времена.

МОЙ ЗАВЛАБ

Георгий Гаврилович ТАРАСОВ

*Инженер НГИМИП, инженер-электроник ИАиЭ СО РАН,
в настоящее время пенсионер*

Уход из жизни такого человека, как Вольдемар Петрович, невольно наводит на размышления об его, так сказать, феномене. И невольно возникают какие-то сравнения с людьми, «сделавшими» науку. При этом перебираешь в уме людей, с которыми как-то, в чем-то можно было бы сравнить Вольдемара Петровича. Мне представляется, что Вольдемар Петрович «вписывается» в шеренгу таких людей, как Галилео Галилей. Вспоминая 42 года, которые я проработал вместе с Вольдемаром Петровичем, еще более утверждаешься в этой мысли.

У меня сложилось впечатление, что то, чем он занимался, учась в аспирантуре при ВНИИМ, на всю жизнь привязало его к метрологии и, в частности, к интерферометрии. В лабораторию линейных и угловых измерений Новосибирского института мер и измерительных приборов (НГИМИП), которой руководил Коронкевич, я пришел в 1966 г. по распределению после окончания НЭТИ. До этого я год проработал в качестве дипломника-практиканта в Институте физики полупроводников, в лаборатории Георгия Васильевича Кривошекова. В лаборатории Коронкевича меня удивило большое число сотрудниц-женщин. Они составляли прекрасную половину (в прямом и переносном смысле) лаборатории. Сразу за столом Вольдемара Петровича стоял стол Валентины Полиевктовны Голубковой – женщины аристократичного вида, обладательницы незаурядных вокальных данных. Почти все остальные женщины располагались в другой комнате – старшие научные сотрудники Г. А. Ленкова, Э. Б. Колесова, В. В. Донцова, а также сотрудники Л. Я. Густырь, С. Я. Волохова, Л. Градинарь. Главным поверителем образцовых мер и хозяйкой метрологической комнаты была Валентина Яковлевна Рубан.

Среди мужчин самой колоритной фигурой был Владимир Федорович Горбунов – мастер на все руки и хозяин мастерской, в которой стояли станки и прочее токарно-слесарное оборудование.

Руководитель лаборатории оказался человеком достаточно демократичным, заводилой и душой компании на всех неформальных мероприятиях, проводимых в лаборатории, и приятным собеседником. Но над всеми этими качествами доминировала явно видимая заинтересованность в новых научных идеях и разработках. В то время он буквально горел желанием создать лазерный интерферометр, хотя и лазеров-то в стране почти не было. И он сумел организовать их изготовление в лаборатории, а потом и создать первый лазерный интерферометр. А тогда буквально кипела работа по изготовлению отпаянных (!) малогабаритных гелий-неоновых лазеров, велись первые исследования в области дифракционных явлений, создавалась поверочная аппаратура, проводилась метрологическая работа по проверке эталонных мер длины. Жизнь в лаборатории была ключом.

За год все сильно устало от постоянной гонки. Поэтому Вольдемар Петрович предложил во время отпуска в 1967 году поехать на самый юг Красноярского края, в малодоступную южную часть Тувы, чтобы там сплавиться на плотках по какой-либо из горных речек. И вот во второй половине августа группа в составе В. П. Коронкевича, В. Ф. Горбунова, А. И. Лохматова, С. В. Коронкевича (сына В.П.) и автора этих строк отправилась искать приключений. И приключения начались еще в Толмачевском аэропорту, откуда начинался наш маршрут. Дело в том, что при закупке продуктов для длительного путешествия было решено купить около 20 кг соли. По жребию загрузить ее в свой рюкзак пришлось мне. Когда началась регистрация, то оказалось, что наши рюкзаки, а мой особенно, не вписыва-

ются по весу ни в какие регламентные нормы. Что делать? Пришлось мне пойти в туалет и высыпать всю соль в унитазы. После этого с некоторыми уговорами нас зарегистрировали на посадку и приняли багаж. Самое смешное произошло через полгода. Хороший приятель В. Ф. Горбунова, занимавший важную должность в Толмачевском порту, как-то рассказал Владимиру Федоровичу, что какой-то негодяй засыпал весь мужской туалет солью. Потом мы часто смеялись над этим происшествием.

Нам очень повезло, и мы за один день смогли на трех разных самолетах (Толмачево—Абакан—Кызыл—поселок Хамсара) добраться до места назначения. Другая компания, вылетевшая на сутки позже нас, просидела в порту Кызыла неделю, поскольку перевал закрылся тучами и самолет не мог вылететь.

Ближе к вечеру наш самолет приземлился на взлетном поле поселка Хамсара. Мы стали выходить из самолета, оживленные и несколько взволнованные. Люди, стоявшие рядом с самолетом в ожидании посадки, были угрюмы и молчаливы. Оказалось, что это была группа из Москвы, один из участников которой попал под залом при сплаве и утонул. Нас словно холодной водой окатили. Мы тоже примолкли и отправились на поиски ночлега.

После длительного обсуждения дальнейших действий большинством голосов было принято решение оставить идею сплава (трудно изготовить плот, больше половины участников вообще не умеют плавать) и просто уехать на моторках вверх по речке Хамсара, найти удобное место и там заняться рыбалкой, охотой, т. е. отдыхать на диком «лоне природы».

В память об этой поездке осталась фотография у стелы «Центр Азии», расположенной на окраине столицы Тувы Кызыла. Когда мы возвращались, полетел первый снежок.

Весной 1968 года большая часть лаборатории линейных и угловых измерений вместе со своим шефом перешла работать в Институт автоматики и электрометрии. Была организована лаборатория 9-5, в которой продолжились работы по совершенствованию технологии изготовления малогабаритных гелий-неоновых лазеров (они в стране все еще не выпускались, и их изготавливал А. И. Лохматов со своими помощниками Н. С. Сергеевой, В. Ф. Горбу-

В центре Азии. Слева направо: С. Коронкевич, А. И. Лохматов, В. П. Коронкевич, В. Ф. Горбунов.

новым и А. Р. Герентом), по созданию и отработке лазерного интерферометра. И, наконец, такой интерферометр (работающий!) был создан. Надо было видеть восторг Вольдемара Петровича, когда прошли первые испытания лазерного интерферометра на большом инструментальном микроскопе и когда после смещения каретки интерферометра из одного конца в другой и обратно показания на счетчике полос сошлись до нуля. Казалось, что его радости не будет предела!

Потом будут долгие годы усовершенствования интерферометра и его «встраивание» в самые разные системы. Конечно, одной интерферометрией дело не ограничивалось. Вольдемар Петрович также занимался и голографией, и явлениями дифракции. Последние привели к созданию уникальной системы лазерной записи типа фотопостроителя. Заинтересованность Вольдемара Петровича в метрологии «высшего порядка» буквально заставляла его заниматься внедрением созданных в лаборатории приборов на заводах Владимира, Новосибирска, Екатеринбурга (Свердловска), Перми, Самары. Я думаю, что он был очень доволен тем, что его лазерные интерферометры успешно работали на больших длинах (более 35 м) в цехах новосибирского завода «Тяжстанкогидропресс». Ретроспективно можно сказать, что решаемые Коронкевичем задачи становились все более сложными в технологическом плане. Это хорошо видно на последнем его детище — искусственном хрусталике глаза (интраокулярная линза ИОЛ). При создании миллиметрового объекта, каким является ИОЛ, задействованы сложные процессы записи дифракционной решетки, изготовления матрицы из кварца и штамповки сложной дифракционной структуры в полимерном материале.

Естественно, что интересы Вольдемара Петровича Коронкевича не ограничивались одной наукой. Всем известно, что он был завязанный театрал, большой любитель хороших книг, хороший шахматист и очень интересный собеседник. Надо было слышать, например, красочное описание его приключений в Париже, чтобы оценить его как рассказчика.

Я надеюсь, что в памяти знавших его людей он навсегда останется как увлеченный ученый, интересный собеседник и просто хороший человек.